

Хозяйственный строй будущей Россіи

В прекрасной книгѣ Г. П. Федотова «И есть, и будет» имѣется глава о хозяйственном строѣ будущей — послѣбольшевицкой — Россіи. Содержаніе ея слѣдующее. Россія жаждет хозяйственнаго освобожденія — раздѣлки государственнаго социализма, возстановленія собственности, свободы труда и капитала. Раны, нанесенныя ей большевицким гнетом, могут быть залѣчены только хозяйственной свободой. Стихія хозяйственной свободы, несмотря на неизбѣжныя ошѣбки, создаст экономическое возрожденіе Россіи. Но ошѣбок нужно по возможности избѣгать. Для этого необходим хозяйственный план. План таков. В сельском хозяйствѣ: невозможность реставраціи помѣщичьей собственности и необходимость прочнаго закрѣпленія земли за крестьянами; в районах колхознаго хозяйства — новый передѣл земли; формы земельного владѣнія — общинныя и индивидуальныя — должны быть предоставлены свободному выбору крестьян; должна быть обезпечена свобода мобилизаціи земли; за государством должно быть сохранено право вмѣшательства в земельныя отношенія — возможность установленія максимальных норм землевладѣнія, организація переселенія; но сохранит ли государство за собой титул верховной собственности на землю — націонализацію — значенія не имѣет; на первый план должна быть выдвинута проблема производства, а не распределенія. В индустрии: необходима денационализація государственной промышленности; но при этом нельзя раздѣлывать все сдѣланное большевицкой эпохой — раздарить или продать с торгов все государственное достояніе Россіи: судьба каждаго предприятия должна быть тщательно изучена и опредѣлена особо; как общій принцип, государство должно отдать лишь то, с

чѣм оно само не в силах справиться — хотя, конечно, это буд-
дет львиная доля захваченнаго. Денаціоналізація підприємств,
однако, ни в коем случаѣ, не должна означать их реституція —
предприятия должны попасть в годныя руки: в большинствѣ слу-
чаев это будут русскіе предприниматели — смѣшанныя русско-
иностранныя общества под государственным контролем. И во-
обще государство должно сохранить верховный надзор над
всей хозяйственной жизнью страны — это опредѣляется не
доктринерски-соціалистическими мотивами, а слабостью русска-
го промышленнаго класса в прошлом и его разгромом в револю-
ціи. Для рабочих должна быть организована охрана труда —
освобожденная Россія должна показать рабочему классу, что
у ней нѣтъ пасынков; если будет возможно, надо сохранить да-
же большевицкій трудовой кодекс; задачу воспитанія рабочаго
класса должна взять на себя интеллигенція. Но еще важнѣе
возсозданіе и воспитаніе класса предпринимателей — как в
сельском хозяйствѣ, проблема производства должна и в индус-
тріи доминировать над распредѣленіем. Россія переживает вре-
мя, подобное петровскому: необходимости предѣльнаго напря-
женія своих производительных сил; большевики чутко отрази-
ли переживаемый историческій момент обостренным вниманіем
к проблемам техники и планами индустриализаціи; надо продол-
жить эту линію — Россія должна стать не только аграрной, но
и промышленной страной и добиться экономической независи-
мости. Но для этого нужна новая хозяйственная психологія и
созданіе новаго класса предпринимателей; недопустимо пре-
жнее дворянское и интеллигентское презрѣніе к торговлѣ и хо-
зяйству; невозможен и старый тип предпринимателя — кула-
ка и міроѣда. Для возрожденія капитализма в Россіи нужна
этизація капиталистическаго предпринимательства и созданіе
новаго духовнаго типа предпринимателя — европейско-амер-
и́канскаго склада; задача эта трудна, но разрѣшима — в по-
рядкѣ творческаго усилія націи. Возможности реставраціи ка-
питализма в Россіи нельзя противопоставлять его закат на За-
падѣ. Духовно обезкровленный на Западѣ, в Россіи капитализм
еще далеко не изжил своих творческих возможностей. Ибо
историческій день Россіи и Запада различен: Россія отстала от

Запада на сто лѣт. Потому и фазы европейской исторіи ей приходится переживать столѣтіем позже. Нашему поколѣнію выпало на долю дѣло Дантонов — почему бы ему не дать и новаго изданія Адама Смита? — Таков хозяйственный план, предлагаемый Г. П. Федотовым для будущей Россіи.

Трудно многое возразить против конкретных мѣропріятій предлагаемаго плана. Они опредѣлены не исторіософской схемой, а неотложной нуждой историческаго момента. Потому, в основных чертах, они общи хозяйственным платформам всѣх прогрессивных русских партій — не только буржуазных, но и социалистических. Но конкретныя мѣропріятія, вызванныя нуждой историческаго момента — паденія большевицкой власти, — еще далеко не опредѣляют всего хозяйственнаго плана, предположеннаго на десятилѣтія («пятидесятилѣтка» — по проекту Федотова). Какую роль будут играть эти мѣропріятія в общем хозяйственном строительствѣ послѣ-большевицкой Россіи? Будут ли они ступенями от крѣпостнаго социализма к свободному капиталистическому строю? Или необходимой передышкой на пути строительства новаго, но тоже плановаго хозяйства? Предстоит ли Россіи капиталистическая реставрація? Должна ли она дать новое изданіе Адама Смита? Неизбѣжно ли для нея — повторить пройденныя ступени хозяйственнаго развитія Запада?

Удивительное дѣло: русское сознаніе вот уже сто лѣт бьется в тенетах дилеммы: должна ли Россія пройти всю лѣстницу историческаго развитія Запада? Или свободным порывом она может сразу подняться на ея высшія ступени? Ступени развитія Запада — фазы закономернаго развитія человѣчества. Может ли Россія в своем развитіи нарушить законы міровой исторіи? Но фазы развитія Запада — совсѣм не законы міровой исторіи. И существуют ли они вообще? Во всяком случаѣ, Восток понятія не имѣл об этих «законах». Восток выработал свой тип культуры. И все его развитіе заключалось в том, что он поднимал этот тип на большую высоту совершенства или ронял его низко. Никакого иного развитія, хотя в малой мѣрѣ напоминающаго западное, у него не было. В послѣднія столѣтія западная цивилизація, в свою очередь, достигла вы-

соких ступеней развития и стала оказывать заражающее влияние на другие культуры. Волны западной цивилизации стали распространяться по всему миру. Но, заражая страны другой культуры, западная цивилизация ни в одной из них не начинала своего развития сначала. Она передавала им не свои старые, омертвевшие формы, а самые живые — современные. Западная религия, расходясь по миру, не проповедовала христианства апостольских времен — она распространяла учение Кальвина и иезуитов. Западная наука не посвящала Восток в тайны средневековой алхимии — она сообщала ему теоремы Ньютона и Эйнштейна. Западная государственность не прививала России и Америке феодализма — она передала им просвещенный абсолютизм и парламентарную демократию. И то же западное хозяйство: распространяясь по миру, оно несло с собой свои последние технические и организационные достижения. Америка и Россия так и не создали у себя западного ремесла, на котором столетия стояла Европа. Екатерининские мануфактуры по размерам превышали французские. Австралия среди пустырей построила громадные города, в которых сосредоточила большую часть своего населения. Соединенные Штаты создали самое совершенное капиталистическое хозяйство мира. И совсем не случайно фордовские комбайны бороздят советские заволжские степи, и стальные гиганты коптят серое небо России. Если уже говорить об исторической закономерности, то она иная, чем принятая русским сознанием: страны победоносной цивилизации, подымаясь на высшую ступень развития, сохраняют в большой доле и старые омертвевшие формы своей культуры (монархия, ремесло, крестьянское хозяйство Европы); страны, заражаемая победоносной цивилизацией, принимают новую культуру в ее чистой, «вирулентной» форме. Правда, вирулентная форма победоносной культуры, попадая в чужеродную среду, не всегда дает свои самые совершенные образцы: индуизм и китайский парламентаризм мало радуют европейское сознание. Советский хозяйственный строй, — в главных своих чертах, американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину. И, тем не менее, даже такие уродливые образования, в какой-то мере, оказываются, жизненными и отвѣ-

чающими темпу исторіи. Во всяком случаѣ, болѣе жизненными, чѣм попытки реставраціи пройденных ступеней европейской цивилизаціи. Примѣняя это к проблемѣ хозяйственнаго строительства Россіи: даже крѣпостное плановое совѣтское хозяйство болѣе жизненно и исторично, чѣм свободный капиталистическій строй. Даже «Азбука» Бухарина болѣе современна, чѣм «Богатство народов» Адама Смита. Капиталистическая реставрація в будущей Россіи — утопія. «Капитализм в одной странѣ» так же невозможен, как и социализм.

В самом дѣлѣ: какую фазу развитія переживает европейское, а, в отраженном видѣ, и все міровое хозяйство? Изобразим ее в терминах В. Зомбарта. Европейское хозяйство переживает фазу «поздняго капитализма». Это значит, что, наряду с капиталистическими, в современном хозяйственном строѣ, все большее мѣсто занимают иныя — новыя формы хозяйства: кооперативныя, государственныя и смѣшанныя капиталистически-общественныя. Но что еще болѣе важно: сами капиталистическія формы хозяйства перерождаются в духъ вновь возникающих и конкурирующих с ними. Капиталистическій дух — дух предпринимательства, риска и наживы — вывѣтривается: рационализація всего хозяйственнаго процесса убивает его. В предпринимательствѣ интуиція уступает мѣсто расчету. Предпріятія принимают вид бюрократических учреждений; руководители предпріятій — чиновников. Владѣльцы капиталов предпочитают вѣрные фиксированные проценты рискованным барышам. Предприниматели, связанные трестами, картелями и акціонерными обществами, теряют вкус к инициативѣ и творческому размаху — «жирѣют». Даже «воля к власти», столь свойственная капиталистическому духу, никнет в атмосферѣ всеохватывающей опеки государства и конституціоннаго режима фабрик. Властные и талантливые люди уходят из промышленности в политику и государственное строительство. — И весь капиталистическій хозяйственный строй перерождается из свободного в с в я з а н н ы й. В современном капиталистическом хозяйствѣ связано все — и предпріятія, и предприниматели. Связаны внутренними бюрократическими порядками управления; связаны картелями и другими предпринимательскими

объединеніями; связаны рабочим классом: фабричными совѣтами, профессиональными союзами, тарифными договорами; связаны государством: охраной труда, контролем над цѣнами, в послѣднее время часто непосредственным надзором (над банками). — И, вмѣстѣ с переходом от свободного к связанному строю, мѣняется вся механика хозяйственного процесса: свобода рынка, игра спроса и предложенія исчезают. Цѣны на товары устанавливают картели или государство; заработную плату — профессиональные союзы. Вся хозяйственная система становится косной и неподвижной. Капитализм перезрѣл и вырождается. Мір переживает эпоху заката капитализма и рожденія новаго хозяйственного строя. — На почвѣ вырожденія современной хозяйственной системы и разыгрался кризис, по остротѣ и размаху невиданный человѣчеством с его появленія на землѣ. Кризис охватил весь мір, и в предѣлах современной системы до конца изжит быть не может. Капиталистическое міровое хозяйство, по своему существу, — экономическая эксплуатація міра Европой или, точнѣе, цвѣтных рас бѣлой. Европа — 400-милліонный город; остальной мір — деревня. Европа — фабрика; остальной мір — рынок сбыта. Своими капиталами и товарами Европа, пользуясь свободой рынка, господствовала над міром. Но мір больше не хочет господства Европы; цвѣтныя расы бунтуют против бѣлой. Всѣ страны міра индустриализируются и ограждают себя от Европы таможенными стѣнами. Страны развитой индустріи не находят для себя рынков сбыта и банкротятся. В Англии, Германіи и Соединенных Штатах каждый третій производитель не имѣет работы. Государство вынуждено кормить милліоны рабочих и тратить милліарды на поддержку капиталистических предпріятій. И капитал, и труд цѣпляются за государство. Государство без плана и системы вмѣшивается во всѣ области хозяйственной жизни. — Какой отсюда выход? Длительное настоящее положеніе невозможно — это значило бы увѣковѣчить хозяйственный хаос, установить плановое хозяйство без плана, узаконить государственное вмѣшательство в хозяйственную жизнь — случайное и произвольное. Еще болѣе невозможно идти по пути реакціи — вернуться к старому свободному хозяйству; так же невозмож-

но, как возстановить свободное, нерегулируемое, движение в Парижѣ или Лондонѣ: каміоны и автомобили передают друг друга. Остается один выход, указываемый всѣм ходом развитія современного хозяйства: установленіе в мірѣ хозяйства п л а н о в а г о. Это значит: в предѣлах каждаго хозяйственнаго округа — государства или союза государств — устанавливается хозяйственный план, охватывающій всю экономическую жизнь округа и проводимый из одного центра. Плановое хозяйство совсѣм не равнозначно хозяйству государственному, как в Совѣтской Россіи, и не должно быть однообразным во всѣх округах. Хозяйственное состояніе округов различно — различны должны быть и хозяйственные планы, вырабатываемые для каждаго из них. И то же в предѣлах каждаго округа: формы хозяйства различны в различных отраслях — сельском хозяйствѣ, ремеслѣ, промышленности; потому должны быть различны и методы осуществленія хозяйственнаго плана в примененіи к каждой отрасли. Чѣм сложнѣе и многообразнѣе хозяйство даннаго округа, тѣм болѣе сложным и многогранным должен быть и вырабатываемый для него план. При таком построеніи плана снимается противопоставленіе частнаго хозяйства общественному, частнаго владѣнія — коллективному. В плановом хозяйствѣ возможны различныя формы хозяйствованія и различныя формы владѣнія. Превалированіе однѣх или других зависит от конкретных условій округа и от воли хозяйствующих в нем. Но не в волю хозяйствующих повернуть назад колесо міровой исторіи. Мір накануне грандіознаго хозяйственнаго перелома, на порогѣ новой хозяйственной эры. Хозяйственный перелом может произойти на путях революціоннаго взрыва или на путях плановѣрнаго, но радикальнаго хозяйственнаго переустройства. От воли и разума людей зависит избрать второй путь. — Такова міровая хозяйственная обстановка, в которую попадет Россія на другой день послѣ паденія большевицкой власти.

Какова хозяйственная обстановка Россіи, которую, на другой день послѣ паденія большевицкой власти, найдет в ней мір? Не будем гадать, когда произойдет это паденіе, и что к тому времени измѣнится в хозяйственном строѣ современной Россіи.

Возьмем его в настоящем видѣ. Еще нѣсколько лѣтъ назад — в период нэпа — можно было спорить о том, что такое совѣтское хозяйство, и какова линия его развитія: можно было утверждать, что совѣтское хозяйство — то же капиталистическое, только прикрытое революционной фразой: что собственность, капитал и индивидуалистическая стихія торжествуют в нем повсюду; что «частный» сектор вытѣсняет государственный; что кулак и нэпман — опредѣляющія фигуры народнаго хозяйства; и что Россія наканунѣ буржуазнаго «Термидора». Теперь об этом спорить нельзя; и дучше даже об этом не вспоминать: или мы были слѣпы и не видѣли жизни, или большевицкая догма оказалась сильнѣе, чѣм жизнь. Теперь даже слѣпым ясна картина современнаго хозяйственнаго строенія Россіи: большевицкая хозяйственная система побѣдила в нем по всей линіи. Все хозяйство страны ведется по одному плану и из одного центра. Пусть части плана не сходятся друг с другом, пусть план не цѣликом осуществляется в жизни, пусть прорывы уродуют «генеральную линію». Совѣтское хозяйство, тѣм не менѣе, плановое хозяйство и интегрально связанное — хозяйственной стихіи и свободной игрѣ хозяйственных сил не оставлено в нем и малаго уголка. И что еще важнѣе: в этом плановом и связанном хозяйствѣ хозяйство государственное и коллективное играет подавляющую роль. Больше нѣтъ спора о борьбѣ общественнаго и частнаго сектора, о состязаніи коллективнаго и индивидуальнаго владѣнія. В промышленности и торговлѣ государство монополизировало все. В сельском хозяйствѣ совхозы и колхозы владѣют большей половиной земли (60%) и посѣвов (80%). Во всем народном хозяйствѣ на долю частнаго сектора приходится только 18%. Но даже послѣдняя цифра не говорит правды: частное крестьянское хозяйство по рукам и ногам связано государственной опекой. На самом дѣлѣ, в Совѣтской Россіи все хозяйство и владѣніе так же огосударствлены, как в Египтѣ времен фараонов. Частные капиталы не сохранились даже под землей — ГПУ отрывает послѣдніе клады. И вмѣстѣ с частным хозяйством и капиталом исчезают его послѣдніе носители. Старые предприниматели и капиталисты вымерли или доживают свои дни в эмиграціи. Новые — совѣт-

скіе нѣпманы и кулаки — гніют в Соловках. Совѣтская молодежь проходит тяжкую школу хозяйствованія в городских государственных промышленных и торговых предприятиях и сельских колхозах и совхозах. Можно как угодно сурово отзываться о крѣпостном и бюрократическом духѣ совѣтских хозяйственных учреждений — с «буржуазным» и «частно-капиталистическим» смѣшивать его безсмысленно. На самом дѣлѣ буржуазный дух из совѣтскаго хозяйства вытравлен радикально. Совѣтское хозяйство и капиталистическое — антиподы. — И, вмѣстѣ с тѣм, нельзя себя обманывать заключеніем: что, с искорененіем буржуазнаго духа и исчезновеніем капиталистических форм хозяйствованія, до конца разрушено и все народное хозяйство Россіи; что в хозяйственном отношеніи послѣбольшевицкая Россія — голое поле. Такія заключенія больше уже не смѣшны — они нелѣпы. Большевицкое хозяйствованіе в Россіи жестоко и безчеловѣчно. Большевики без счета расходуют россійское народное достояніе. Большевики эксплуатируют труд своих подданных так же, как фараоны своих рабов, Большевики строят совѣтское хозяйство на крови и костях миллионов русских людей. Но они строят хозяйство, а не только разрушают его. По утвержденіям не только совѣтских, но и эмигрантских экономистов, в Россіи происходит громадный хозяйственный переворот: Россія индустриализируется — из страны аграрной превращается в аграрно-промышленную. Городское населеніе с 1917 г. по 1930 поднялось с 18% до 27% всего населенія. Основной капитал промышленности, по сравненію с довоенным, увеличился в два с половиной раза. Созданы новыя отрасли индустріи: электротехническая, химическая, производство моторов, двигателей и автомобилей. Открыты новыя залежи металла и угля. Выстроены Днѣпрострой, Волховстрой и новыя гигантскіе заводы. Пусть все это хозяйственно нерентабельно, пусть хозяйственный эффект всего этого технического строительства ничтожен. И тѣм не менѣ послѣбольшевицкая Россія в хозяйственном отношеніи — совсѣм не голое поле. Послѣбольшевицкая Россія получит в наслѣдство от большевицкой большое промышленное хозяйство — фабрики, заводы, копи, рудники, электрическія станціи — частью оборудован-

ное по послѣднему слову европейской техники, связанное, пусть нелѣпым, но грандіозным планом и руководимое безчисленным совѣтским бюрократическим аппаратом. Это наслѣдство надо принять и разумно им распорядиться. — И то же в сельском хозяйствѣ. Мы считаем совѣтскую коллективизацию русскаго сельскаго хозяйства безуміем и преступленіем. Но она уже проведена — русская деревня уже коллективизирована. И, на ряду с гибелью милліонов людей и милліардов народнаго достоянія, коллективизация дала свои хозяйственные плоды — революцію в техниках и формах русскаго сельскаго хозяйства; уничтожена многополосица и черезполосица, сокращены пары, распаханы милліоны десятин нови, трехпольныя системы замѣнены многопольными, сохи плугами и тракторами. Пусть все это мало отразилось на конечном сборѣ зерна, пусть зерно это не доходит до голоднаго населенія — переворот в русском сельском хозяйствѣ уже произведен, и послѣбольшевицкая Россія будет начинать с него, а не возвращаться к дореволюціонным формам хозяйствованія. Как в индустриі, так и в сельском хозяйствѣ: послѣбольшевицкая Россія получит от большевицкой большое, хотя и обремененное тяжкими долгами, наслѣдство — сотни тысяч совхозов и колхозов, владѣющих громадными блоками неразмежеванной земли, снабженных парками сельскохозяйственных орудій и тракторов и ведущих производство по разработанным в государственных учрежденіях планам. — Такова хозяйственная обстановка, которую, на другой день послѣ паденія большевицкой власти, найдет в ней мір.

Спрашивается: каким образом плановое и до конца государственное русское народное хозяйство, попадающее, на другой день послѣ паденія большевицкой власти, в обстановку хозяйства міроваго, также перестраивающагося на основах плана и государственной связанности, может дать, в результатѣ своего освобожденія и международнаго взаимодействія, хозяйство капиталистическое — основанное на свободѣ рынка, собственности и капитала? Гдѣ для этого историческія предпосылки — хозяйственные и психологическія? Если стихія хозяйственной свободы — в условіях современнаго историческаго момента — привела Европу и мір к катастрофѣ и, быть может,

к крушенію существующаго хозяйственнаго порядка, почему эта стихія даст Россіи расцвѣтъ и возрожденіе? Если Европа и міръ от хозяйственной свободы и частнаго предпринимательства идут к плановости и усиленію государственнаго и общественнаго сектора, почему Россія должна вернуться к формам хозяйства 19-го вѣка? Переход от государственнаго хозяйства к частному требует наличія в странѣ частных капиталов и предпринимателей. Но ни тѣх, ни других в Россіи нѣтъ. Кому будет передана русская государственная промышленность, основной капитал которой оцѣнивается в 10-12 миллиардов золотых рублей? Гдѣ будет найден оборотный капитал для приведенія этой промышленности в движеніе? Хозяйственная свобода, несомнѣнно, будет способствовать накопленію частнаго капитала. Но пройдут годы, а, может быть, и десятилѣтія, прежде чѣм это накопленіе насытит второстепенныя отрасли народнаго хозяйства — мелкую торговлю, мелкую промышленность, ремесло. Что будет с основными отраслями городского хозяйства — крупной индустріей и оптовой торговлей? Предполагают, что капитал для этих отраслей даст заграница. Но надежды на это преувеличены. Иностраннй капитал с трудом идет в такія неустойчивыя страны, какою будет послѣбольшевицкая Россія, и, если идет, то на кабальных условіях и на твердом государственном обезпеченіи. Будущему послѣбольшевицкому государству придется гарантировать иностранному капиталу заказы, кредиты и другія льготы. Спрашивается: не будет ли болѣе благоразумным и болѣе соотвѣтствующим современному состоянію міроваго хозяйства, если будущее русское государство, вмѣсто того, чтобы гарантировать иностранному капиталу его вложенія в русскія частныя предпріятія, гарантирует ему вложенія в предпріятія государственныя (путем государственных займов или созданія государственно-частных смѣшанных обществ)? Не будет ли это правильнѣе, чѣм передача русских государственных предпріятій, созданных тяжкими страданіями русскаго народа, в руки иностранных капиталистов? Прочен ли будет тот государственный строй, в котором хозяйственное дѣленіе населенія пройдет так: класс частных предпринимателей — иностранцы, класс наемных рабочих — русскіе? Не даст ли это

быстраго рецидива большевизма? — И еще труднѣе будетъ задача воспитанія новаго класса русскихъ предпринимателей. Разумѣется, для мелкой торговли и промышленности «предприниматели» найдутся. Они будутъ качествомъ не выше дореволюціонныхъ, но они лучше справятся со своей задачей, чѣмъ справлялось совѣтское государство, и чѣмъ, еще долгое время, будетъ справляться государство послѣбольшевицкое. Но дѣло, вѣдь, идетъ не о нихъ. Дѣло идетъ о новомъ духовномъ типѣ предпринимателя — европейско-американскаго склада, построившаго капиталистическое хозяйство Запада и способнаго поднять хозяйство Россіи на соответствующую высоту. Гдѣ историческія основанія для созданія такого типа? Европейскій тип предпринимателя создавался всей современной ему культурой Запада, насыщенной вѣрой в творческія силы капиталистическаго хозяйства и ведомой такими умами, какъ Адамъ Смитъ. Но теперь вѣра в капиталистическое творчество угасла. Адама Смита больше не читаютъ. Вѣрятъ в «плановое», «корпоративное» и «соціалистическое» хозяйство. Читаютъ Зомбарта, Фрида и Гельфердинга. Возможна ли в такихъ историческихъ условіяхъ «этизация» капиталистическаго предпринимательства и воспитаніе «духовнаго типа» предпринимателя-капиталиста? Думаемъ, что это невозможно. Типъ совѣтскаго хозяйственника для этого не пригоденъ. И съ трудомъ можно себѣ представить русскую молодежь, на другой день послѣ паденія большевицкой власти, проходящую школу такого перевоспитанія. — Хотимъ мы этого или не хотимъ, но капиталистическая реставрація в послѣбольшевицкой Россіи невозможна. Об этомъ пожалѣютъ многіе искренніе русскіе патріоты. И очень возможно, что лѣченіе больной Россіи хозяйственной свободой было бы самымъ дѣйственнымъ и плодотворнымъ. Даже для сторонниковъ соціалистическаго идеала путь отъ совѣтскаго крѣпостнаго строя къ строю трудовому черезъ свободное капиталистическое хозяйство можетъ показаться наиболѣе простымъ и легкимъ. Но эта возможность Россіи не дана. Капиталистическая система хозяйства выродилась во всемъ мірѣ. Стихія хозяйственной свободы больше не «несетъ». Оплодотворявшія ее бациллы убиты. Капиталистическій «духъ» вызываетъ в душахъ современныхъ людей ненависть и отвращеніе.

Мечтать в таких условиях о лѣченіи Россіи этим духом значит не чувствовать историческаго момента, не слышать ритма мировой исторіи. Разумѣется, послѣбольшевицкое государство раскрѣпостит русское народное хозяйство и труд. Разумѣется, оно возстановит рынок, собственность и даст возможность накопленія частнаго капитала. Но все это в рамках охватывающаго все народное хозяйство плана и под твердым своим руководством. Разумѣется, послѣбольшевицкое государство разрѣшит свободу торговли, ремесла и промышленнаго предпринимательства. И болѣе, чѣм вѣроятно, что розничная торговля, ремесло и мелкая промышленность очень скоро перейдут в частныя руки. Но оно сохранит за собой основныя отрасли крупной промышленности и оптовой торговли. И, если будет передавать их, то только общественным предпріятіям или смѣшанным государственно-частным обществам. Словом, послѣбольшевицкое хозяйство не будет совѣтско-крѣпостным, но и не станет свободно-капиталистическим. Это будет плановое хозяйство с преобладающим государственным и общественным сектором. — Такова хозяйственная программа на ближайшій, послѣ паденія большевицкой власти, историческій період — наша «пятидесятилѣтка».

Отсюда поправки к конкретным мѣропріятіям предложеннаго Г. П. Федотовым хозяйственнаго плана. В с е л ь с к о м х о з я й с т в ѣ. Государство укрѣпит за крестьянами их земли. Предоставит крестьянам свободный выбор форм землевладѣнія — общинных и индивидуальных. Разрѣшит крестьянам выход из колхозов и раздѣл их. Но оно сохранит за собой всѣ жизнеспособные совхозы (государственныя имѣнія). И оно будет способствовать тому, чтобы распадающіеся колхозы не дѣлили пахотной земли на миллионы мелких участков. Большевицкое государство совершило безуміе, уничтожив миллионы старых межей. Послѣбольшевицкое государство не должно повторить этого безумія созданіем миллионов новых межей. Для обработки пахотных полей могут создаваться крестьянскіе кооперативы, артели и тракторныя ассоціаціи, и государство должно всячески этому содѣйствовать. — Послѣбольшевицкое государство разрѣшит переход крестьянской земли из рук в ру-

ки. Но оно допустит этот переход только под своим руководством, и оно сохранит для этого за собой верховную собственность на землю — национализацию. Большевицкое государство совершило безумие, экспроприровав сотни тысяч «кулацких» дворов. Послѣбольшевицкое государство не должно повторить этого безумія, допустив экспроприацию миллионов «бѣдняцких» хозяйств. А между тѣм рыночный оборот земли в потрясенной послѣбольшевицкой деревнѣ приведет к этому неизбежно. Тогда большевицкій рецидив будет неотвратим. И бессмысленно утѣшать себя тѣм, что оплотом против такого рецидива может быть рост «крѣпких» хозяйственных дворов. Так же бессмысленно, как рассчитывать на возведение плотины во время половодья. Опыт Столыпина был в этом отношеніи роковым. И еще трагичнѣе может кончиться попытка — послѣ десятилѣтій «рабоче-крестьянской» власти — построить русское деревенское хозяйство на «кулацком» меньшинствѣ против «бѣдняцкой» массы. Установленіе в послѣбольшевицкой Россіи полной собственности на землю может быть оправдано только одним: вѣрой в цѣлительную силу «стихіи хозяйственной свободы». Но, если эта вѣра подорвана, отказ от национализациі земли будет тяжелой политической ошибкой. — В т о р г о в л ѣ и и н д у с т р і и. Послѣбольшевицкое государство даст свободу частной инициативѣ в розничной торговлѣ, ремеслѣ и мелкой промышленности. И оно будет денационализировать свои предприятия в этих отраслях по мѣрѣ того, как будут укрѣпляться в них предприятия частныя и общественно-кооперативныя. Охват всего народнаго хозяйства хозяйством государственным вреден и утопичен. Но оно не будет денационализировать основныя отрасли городского хозяйства — крупную промышленность и оптовую торговлю. Возможно, что нѣкоторыя предприятия в этих отраслях, как явно нехозяйственныя, придется просто ликвидировать. И нѣтъ сомнѣній, что многія предприятия надо будет поставить на консервацию. Но большинство предприятий придется вести на государственныя средства даже в том случаѣ, если они будут убыточны. За большевицкое хозяйствованіе Россіи еще долгіе годы придется расплачиваться. Но было бы преступным бросить на произвол судьбы то, что создано неис-

числимыми страданіями народа. Капиталистическія государства Запада тратят миллиарды для поддержки частных предприятий. Послѣбольшевицкое русское государство не может отказаться от жертв для спасенія собственнаго и народнаго достоянія. Разумѣется, стихійная ярость народа может смести все, что оставлено ненавистной большевицкой властью — и в том числѣ пирамиду государственной индустріи. Но это будет таким же несчастіем, как уничтоженіе русской промышленности в октябрьскую революцію.

Как будет именоваться будущій, послѣбольшевицкій, русский хозяйственный строй — государственно-капиталистическим? трудовым? социалистическим? — Не будем спорить об именованіи. Но и не будем себя обманывать: послѣбольшевицкій хозяйственный строй будет далек от того идеала, который ставит себѣ міровая и російская демократія. Строй хозяйственной демократіи — идеал не легко достижимый не только для Россіи, но и для Европы. Только медленно и с трудом, а может быть, и с большими потрясеніями — будет приближаться к нему насыщенная культурой Европа. Еще с большим трудом — в особенности послѣ опыта крѣпостного большевицкаго хозяйствованія — будет приближаться к нему отсталая Россія. Но ясно, что путь приближенія к этому строю для Европы и Россіи будет различным. Европа будет итти к нему путем связыванія и включенія в общій хозяйственный план частно-капиталистическаго сектора и путем усиленія сектора государственнаго и общественнаго. Россія будет итти к нему путем развязыванія крѣпостнаго хозяйствованія, усложненія и индивидуализаціи частей обще-хозяйственнаго плана и сокращенія государственнаго сектора в пользу общественнаго и частнаго. На какой-то точкѣ эти пути должны встрѣтиться. От воли и разума людей зависит, чтобы эта встрѣча произошла скорѣе.

И. Бунаков.